

которых достоин человек в своей глубинной духовной основе, требующей раскрытия»¹⁶. И это сегодня, несомненно, является исключительно востребованным, актуальным.

Примечания

- ¹ Лагунов А. А. Еще раз о русской идее // Российская национальная идентичность в лабиринтах модернизации и глобализации: философские, социокультурные и политические проблемы: материалы междунар. науч.-практич. конф. / отв. ред. В. Р. Чагилов. Невинномысск, 2010. С. 247.
- ² Косов А. В. Российская национальная идея как фактор формирования евразийской идентичности в условиях геополитического противостояния // Там же. С. 225.
- ³ Гулыга А. В. Творцы русской идеи. М., 2006. С. 21.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Бердяев Н. А. Русская идея. Харьков; М., 2000. С. 239.

- ⁷ Андрушкевич И. Н. Национальная идея России // Трибуна русской мысли. 2007. № 7. С. 166.
- ⁸ Там же. С. 167.
- ⁹ Соловьёв В. С. Русская идея // Русская идея: сб. произведений русских мыслителей / предисл. А. В. Гулыги. М., 2002. С. 229.
- ¹⁰ Ильин И. А. О русской идее // Там же. С. 402.
- ¹¹ Розов Н. С. Национальная идея // Вопр. философии. 1997. № 10. С. 26.
- ¹² Карасёв Л. В. Русская идея (символика и смысл) // Вопр. философии. 1992. № 8. С. 95.
- ¹³ Межуев В. М. О национальной идее // Вопр. философии. 1997. № 12. С. 5.
- ¹⁴ Маслин М. А. Русская идея // Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты: энцикл. словарь. М., 2001. С. 370.
- ¹⁵ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения Института социологии РАН // Независимая газета. 2010. 12 нояб. С. 5.
- ¹⁶ Лагунов А. А. Указ. соч. С. 249.

УДК 165.19

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ ПРИРОДЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАТИВНОСТИ: НАРРАТИВНЫЙ И МИФОЛОГИЧЕСКИЙ СПОСОБЫ ИСТОРИЗАЦИИ

И. Н. Нехаева

Тюменский государственный университет
E-mail: Ira-Nekhaeva@rambler.ru

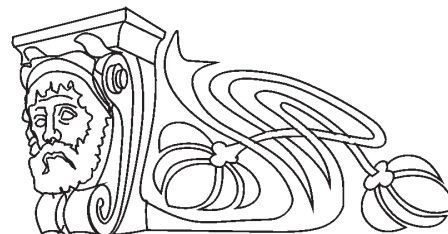
Статья содержит проблематичный взгляд на возможность установления исторического поля исключительно в контексте языковой интерпретативности, поскольку выявление необходимых аспектов реальности, видимых из перспективы истории, становится возможным лишь при условии осуществления принципиально нового описания способа размышления о мире, что, по сути, и означает обнаружение определенного исторического периода, ограниченного языковым инструментарием.

Ключевые слова: язык, история, истина, репрезентация, интерпретация, нарратив, миф.

Problem of the Language Nature Historical Interpretativeness: Narrative and Mythological Ways of Historisation

I. N. Nekhaeva

Article contains a problematic view at an opportunity to establish historical field exceptionally in a context of language interpretativeness. Because revealing of necessary aspects of the reality seen from prospect of history becomes possible only under condition of realization of essentially new description of a way of reflection about the world. That, as a matter of fact, means detection of the certain historical period limited to language toolkit.

Key words: language, history, truth, representation, interpretation, narrative, myth.

С самого начала следует признать, что эпистемологическая традиция всегда придавала большое значение некоему *третьему*¹ пространству при условии, что первые два традиционно представляют собой общую контактную зону взаимодействия внутреннего мира с реальностью, порождающую контекстный срез, парадигматической основой которого принято считать разработанный Кантом схематизм категорий рассудка, демонстрирующий принцип систематизации умом того многообразия, которое ему предоставляется опытом с целью получения *истинных* суждений, связанных, прежде всего, с невозможностью получения *непосредственного* знания о мире в результате феноменализации реальности, поэтому категории рассудка призваны служить так называемым эпистемологическим мостом между субъектом и реальностью. В результате данные эпистемологические схемы породили различные «способы создания миров»², в основном обозначающие

границу и намекающие на то, что реальности, свободной от схемы, просто не может быть. Отсюда разногласий по поводу разнообразных мнений о реальности вовсе не существует именно благодаря наличию «третьего» уровня, ставшего неким посланником для примирения мнения и реальности, но этим все не закончилось, ведь сама по себе схема, обособившись, в результате приковывает к себе внимание, окончательно затмив и реальность, и знание.

В связи с этим интересным является замечание Рорти о необходимости вместе с трансформацией «третьего» уровня отбросить и *конфронтационную модель* отношений между языком и реальностью³ преимущественно потому, что между ними не может быть прямой конфронтации уже в силу того, что «истина», к которой обращено само по себе *взаимодействие языка и реальности*, на самом деле не имеет для них какого-либо существенного значения, поскольку не способна выполнять самого главного – *объяснять*. Иными словами, оказалось, что «истина» вообще не обладает объяснительной способностью, так как если данную способность определить в качестве «визитной карточки» так называемого третьего уровня, прежде всего направленного на попытку объяснения момента *соответствия* друг другу языка и реальности⁴, то объяснение такого «соответствия» в действительности может отвечать лишь состоянию «Витгенштейнова колеса», которое вращается, но не передвигает ничего, кроме самого себя⁵. Все дело в том, что «истина не объясняет, почему (курсив мой. – И. Н.) мы имеем истинные убеждения»⁶, но только дает понять, что на этом этапе единственным способом «выражения» представляется лишь то, что может быть «сказано» с помощью данного суждения, и по сути это означает, что именно «истина» есть тот способ, каким можно скорее не «выразиться», а «высказаться» посредством суждения, т. е. это обычная языковая практика, в которой «нет места для понятия «мысли» или «языка» как в принципе могущих не совпадать со средой своего бытования»⁷.

Совершенно очевидно, что действие редукации необходимо также распространить и на стремление утвердить идею «языка, относящегося к остальному миру так, как относится форма к содержанию»⁸, что опять-таки приводит к схематизму, а поэтому разговор, скорее, следует вести не о понятии «истина», а о *состоянии «истинности» ощущения* включения в «непрерывное, причинно детерминированное взаимодействие...»⁹, когда, как отмечал Юм, возникает так называемое чувство *веры*¹⁰ в момент взаимодействия между языком и реальностью. Следовательно, такого рода связь верования с миром в аспекте языковой чувственности прежде всего осуществляется в понимании наличия *причинной связи* и, соответственно, то, о чем говорит Юм, исследуя человеческую природу, на самом деле есть *при-*

рода языка и его связи с реальностью и знание об этом в категориях истины, безусловно, становится контингентным, поскольку, действительно, «наше знание того, как применять термины вроде «о» или «истинно», являются побочными продуктами «натуралистического» описания языкового поведения»¹¹. Отсюда прагматическая позиция Рорти оказывается в некотором смысле близка эпистемологии Аристотеля именно в точке их соединения, обнаруживающей ситуацию *непрерывности*¹² соприкосновения с реальностью. Хотя взгляд Рорти как раз не столь откровенно непосредствен, как может показаться, поскольку им все же предполагается включение интеллектуальной истории как части культурной антропологии, однако с учетом того, что философия впредь не станет претендовать на возможность объяснения того, что наука оставляет необъяснимым¹³.

Следовательно, позиция Рорти призывает определять язык с точки зрения *удобства* овладения реальностью, абсолютно верно полагая его в качестве наиболее совершенного *инструмента* в решении такого рода задачи, опровергая при этом искаженное в своей основе утверждение о соразмерности понятий «истинность» и «действительность» и прежде всего поддерживая аргумент о том, что суждение является «истинным» только – и только – потому, что оно «работает», но не наоборот. В противном случае возникает ситуация преждевременного установления некой *эпистемологической концепции истины*, а это недопустимо в силу неизбежности возникновения эффекта, искажающего данную ситуацию. В связи с этим необходимо принять взгляд на язык с позиции его «полезности», иначе говоря, учитывая наличие высокой степени языковой способности к *приспособлению* в решении разного рода задач. Особое внимание следует обратить именно на процесс совершенствования данной способности, дабы, раскрывая в языке богатство его собственной природы, главным образом в представлении о нем как о сложном и дифференцированном целом, находящемся в непрерывном движении, всегда нацеленном на то, чтобы наилучшим образом приспособиться к изменяющимся обстоятельствам, на основании всего этого ясно проследить *противостояние эволюционистски-прагматической позиции и трансценденталистской точки зрения*. Коль скоро язык представляется в виде некой живой организации, способной претерпевать своего рода эволюцию, то с учетом этого, вслед за Рорти, следует настоятельно рекомендовать «искать вдохновения скорее у Дарвина, чем у Декарта»¹⁴.

Если принимать такой взгляд на язык, возникает необходимость учета языковой способности к *историзации* любой позиции, т. е. возможности выявления тех аспектов, которые становятся видимыми из перспективы истории, поскольку, как известно, историческое поле считается проявленным именно тогда, когда в результате удается обозначить некое совершенно *новое описание*

способа размышления о мире¹⁵, что, по сути, и означает обнаружение вполне определенного исторического периода, ограниченного языковым инструментарием, который и является причиной деления исторического времени на периоды. В этом смысле Рорти прав, утверждая, что «язык говорит человеком»; языки изменяются в ходе истории, и поэтому человеческие существа не могут уйти от их историчности. Они могут в лучшем случае справиться с противоречиями собственной эпохи, для того чтобы заложить основы следующей эпохи¹⁶. И хочется нам этого или нет, но именно в совпадении моментов изменения словаря со сменой эпох появляется очередной аргумент в пользу языковой природы исторической интерпретативности.

Отсюда видятся два способа историзации – *нарративный* и *метафорический*, – выявляющие специфику установления взаимоотношений с прошлым посредством языкового инструментария. Так, в частности, нарративный способ¹⁷, учитывая задачу историка, состоящую в «рассказе» истории о прошлом путем приведения в порядок хаотичных данных, представляется наиболее предпочтительным и в силу самой своей природы наиболее predisposed к такой организации множества исторических случайностей, которая формирует нарративное целое столь же случайным образом¹⁸. «Теория» представляет собой целостную систему знаний, которая прежде всего характеризует логической зависимостью одних элементов от других, а также выводимостью содержания из некоторой совокупности утверждений и понятий, дающей целостное представление о закономерностях и существенных связях определенной области действительности, фокусирующейся на определении с помощью абстрактных терминов функции отношения, возникающей между субъектом и объектом в моментах альтернативности высказываний, направленных либо на утверждение некоего *состояния* в терминах бытия/небытия или владения/не владения, либо отсылающей к определенному *действию*, вызывающему трансформацию вышеобозначенных «состояний».

С другой стороны, метафорический способ преимущественно выявляет особенность той интенции, которая порождается в связи с возникновением определенного взгляда на предмет – иными словами, метафора, отнюдь не призванная к открытому выражению такого «взгляда», именно подавая собою «знак» или «ориентир», тем самым «вызывает» определенную реакцию, т. е. некую *настроенность*, что представляется своеобразным «*эффектом метафоры*». Однако следует подчеркнуть, что все это не связывается с каким-либо когнитивным содержанием, эксплицирующим особое значение, и в этом смысле адекватным примером демонстрации несостоятельности требования конкретики выявления значения представляется проецирование на пространство искусства метафорической специфики

в целях вербализации любого вида искусства¹⁹, тогда как известно, что метафора не раскрывает своего механизма посредством передачи закодированного сообщения, наподобие переводчика, способного прозой передать смысл шутки или фантазии, так как «шутка, фантазия, метафора могут, подобно изображению или удару по голове, помочь оценить некоторый факт, но они замещают собой этот факт и даже не передают его содержания»²⁰. В связи с этим любого рода перефразировка метафоры прежде всего направлена не на выражение ее значения, в равной мере как и не на само значение, а скорее на выявление именно того, на что *метафора стремится мобилизовать внимание*. В результате становится ясно, что нет такого содержания, которое необходимо «схватить» и на которое якобы указывает метафора. Если бы то, на что метафора заставляет обратить внимание, было конечным по числу и не создавало бы «эффекта распыления», т. е. могло бы быть выражено в суждении путем проецирования конкретного содержания на метафору, то это «нечто», что предлагается метафорой, было бы ограниченным и пропозициональным. Однако оно не таково, поскольку «когда мы задаемся целью сказать, что «означает» метафора, то вскоре понимаем, что перечислению не может быть конца»²¹. *Таковым* «оно» действительно может становиться, но только тогда «оно» будет выражаться самыми обычными словами, демонстрируя состояние «потери метафоры»²².

Неслучайно поэтому Дэвидсон склонен относить любое употребление языка к типу «метафорического», тем самым отмечая бесконечный характер языкового *выражения*, эксплицирующегося в одном единственном акте и уже этим отличающегося, к примеру, от достаточно сильно разнящейся, по сравнению с языковой сказываемостью, музыкальной выразительности, в частности в моменте их пространственно-контекстуальной разницы, состоящей в том, что язык, безусловно, первоначально имеет некий объем, который в границах ситуации использования метафоры дан сразу и целиком и именно в контексте самого процесса *употребления* метафоры дает возможность мгновенного раскрытия всей полноты такого языкового объема. При этом существенным является то, что весь объем выступает как «данный», но не «избранный», и только следующий шаг предоставляет возможность выбора некой определенной интенции в движении мысли, тогда как в музыке не только не имеется в наличии, но и не требуется какой-либо эквивалентной данному движению направленности, поскольку *музыкальная материя и есть в буквальном смысле такая движущаяся интенция*. То, что, слушая музыку, мы иной раз можем прийти к некоторому буквальному утверждению вполне определенного образа, казалось бы, предоставляет возможность увидеть один объект в свете другого, но означает только одно: мы *захотели* именно *так* услышать

музыку и поэтому слышали ее именно *таким* образом. Тем не менее, если мы попытаемся это желание как-то *описать* или *объяснить*, тем самым осуществляя «схватывание» некоего якобы скрытого содержания, эксплицитное выражение которого окажется, быть может, искомой формой «объяснения», а поэтому и «познания» некоторой истины или факта, то все такого рода попытки, без сомнения, обречены на провал именно в желании утверждения некоего конечного или даже вполне конкретного факта, поскольку, помещая нечто в язык, – а в данном случае это музыка, – мы, конечно же, найдем в нем все, чего ни пожелаем, но возникает вопрос: а какое отношение, собственно говоря, все это имеет к музыке?

Таким образом, в определении специфики метафорического уровня существенную роль выполняет именно *проведение границы между значением и употреблением языка*, а исходя из этого, метафорический аспект следует понимать, скорее, не из перспективы значения, а из *перспективы употребления*, поскольку метафора не определяется из поиска и понимания значения, что явно роднит ее с музыкальной плоскостью. Коль скоро обретение значения приводит к манифестации осуществления совсем иной языковой процедуры, то становится ясно, что оно к метафоре неприменимо, при этом возможность понимания метафоры проистекает из самого *процесса* языкового употребления, который служит как бы стимулом, обуславливающим появление *новых языковых ощущений*. Поэтому неслучайно именно метафору Рорти определяет как *primum movens*²³ любого изменения и эволюции языка, провозглашая ее *«точкой роста языка»*²⁴. Однако, помимо осуществления метафорического уровня, являющегося определенного рода языковым активатором, провоцирующим создание новых словарей, следует все же согласиться, что *ни один словарь не может быть обоснован в границах собственной терминологии*, поэтому необходимым представляется использование дополнительной ступени, способной осуществить обратное метафорическому действие, т. е. совместно с прогрессивным метафорическим сформировать в том числе и *скептическое отношение*²⁵ с целью достижения «точки роста», в целом *относящейся к формальному историческому движению*. В частности, в качестве такого деконструктивистского элемента Рорти предлагает использовать *иронический уровень*, где ирония будет призвана осуществлять «деструкцию» словарей, дабы пробудить многослойную фактуру исторического пространства, тем самым провоцируя его на дальнейшее развитие.

Таким образом, действие языкового ограничения на всю область опыта в конечном счете показывается именно в качестве демонстрации «исторического», в рамках языка призванного выполнять роль интерпретативной функции, раскрывающей языковую деятельность посредством

организации взгляда на язык так, что последний становится предметом собственной интерпретации, осуществляемой своеобразным, историческим образом.

Примечания

- 1 Согласно Попперу, «мир состоит из трех различных субмиров: первый – это физический мир, или мир физических состояний; второй – духовный (*mental*) мир, мир состояний духа, или мир ментальных состояний; третий – мир умопостигаемых сущностей (*inteligibles*), или *идей в объективном смысле*; это мир возможных предметов мысли, мир теорий “в себе” и их логических отношений, аргументов “в себе” и проблемных ситуаций “в себе”» (см.: *Поппер К. Объективное знание: эволюционный подход*. М., 2002. С. 154).
- 2 По мнению Гудмена, различие способов создания миров касается лишь многообразия признаков, хотя само по себе пространство их применения всегда является одним и тем же – языковым: «В значительной степени, но ни в коем случае не полностью создание миров состоит из разделения и сложения, которые часто идут рука об руку друг с другом: с одной стороны, из деления целого на части и родов на виды, из анализа состава комплексных величин, из проведения различий; с другой стороны, из составления целых и родов из частей, членов и подклассов, из объединения единиц в комплексы и создания связей. Эти композиции и декомпозиция обычно производятся, сопровождаются или поддерживаются применением ярлыков – таких как имена, предикаты, жесты, картины и так далее» (см.: *Гудмен Н. Способы создания миров*. М., 2001. С. 124).
- 3 *Rorty R. Philosophical papers : in 4 v. Cambridge, 1991. V. I. P. 126.*
- 4 С точки зрения Канта, «всеобщим критерием истины был бы лишь такой критерий, который был бы правилен в отношении всех знаний, безразлично, каковы их предметы. Но так как, пользуясь таким критерием, мы отвлекаемся от всякого содержания знания (от отношения к его объекту), между тем как истина касается именно этого содержания, то отсюда ясно, что совершенно невозможно и нелепо спрашивать о признаке истинности этого содержания знаний и что достаточный и в то же время всеобщий признак истины не может быть дан» (см.: *Кант И. Критика чистого разума*. М., 1994. С. 74).
- 5 *Rorty R. Op. cit. P. 140, 141.*
- 6 *Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт*. М., 2007. С. 50.
- 7 *Rorty R. Op. cit. P. 10.*
- 8 *Ibid. P. 51.*
- 9 *Анкерсмит Ф. Указ. соч. С. 55.*
- 10 Согласно Юму, «мнение, или вера, не что иное, как более сильная и живая идея, вызванная связанным с ней наличным впечатлением...» (см.: *Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч. : в 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 161*).
- 11 *Rorty R. Op. cit. P. 128.*
- 12 «Непрерывное составляет некоторый вид непосредственно примыкающего <...> когда у каждой из

двух вещей окажется одна и та же граница, где они соприкасаются и связываются вместе, так что ясно, что непрерывность имеется в тех вещах, из которых естественным образом получается что-нибудь одно благодаря взаимному соприкосновению» (см.: *Аристотель. Метафизика // Аристотель. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования. СПб. ; Киев, 2002. С. 374).*

- ¹³ Rorty P. *Философия и зеркало природы*. Новосибирск, 1997. С. 281–282.
- ¹⁴ Rorty R. *Op. cit.* P. 10.
- ¹⁵ Rorty P. *Случайность, ирония и солидарность*. М., 1996. С. 29.
- ¹⁶ Rorty P. *Op. cit.* P. 62.
- ¹⁷ Согласно Анкерсмиуту, нарратив является культурным феноменом, умеющим «схватывать реальность, осуществлять, так сказать, определенное “приручение” реальности <...> Превратить реальность “как таковую” в реальность, адаптированную к нашим целям и задачам» (см.: *Доманска Э. Философия истории после постмодернизма*. М., 2010. С. 117).
- ¹⁸ По мнению Уайта, нарратив глубоко антиреалистичен, ему невозможно обучиться, поскольку он является субъективным способом созерцания практики, поэтому «самая важная вещь в нарративе заключается в том, что он является способом организации восприятия мира субъектом, способом организации опыта субъекта» (см.: *Доманска Э. Указ. соч.* С. 30–31).
- ¹⁹ Яркой иллюстрацией этому может служить целое направление в области антропологии, имеющее своей

целью выявление своеобразной эстетической концентрации взгляда на искусство, организующего в философском поле область так называемой эстетической антропологии как своего рода языкового аналога самого искусства (см.: *Щербинин М. Искусство и философия в генезисе смыслообразования (Опыт эстетической антропологии)*. Тюмень, 2005. 312 с.).

- ²⁰ Дэвидсон Д. *Границы буквального // Дэвидсон Д. Истина и интерпретация*. М., 2003. С. 359.
- ²¹ Там же. С. 360.
- ²² На этот счет Дэвидсон высказывает следующее: «Если кто-то водит пальцем по береговой линии на картине или любуется красотой и искусностью линии в рисунках Пикассо, то к чему именно привлечено его внимание? Можно было бы назвать бесконечное множество моментов, ибо идея полноты и исчерпанности к такому перечислению неприменима. Сколько же фактов или суждений передается фотографией или картиной: ни одного, бесконечное множество или один большой факт, который не поддается выражению? Это плохой вопрос. Картина не нуждается ни в тысяче слов, ни в любом другом их количестве. *Между картиной и словами невозможен эквивалентный обмен* (курсив мой. – И. Н.)» (см.: Там же.).
- ²³ Первопричина, перводвигатель (лат.).
- ²⁴ Rorty R. *Op. cit.* P. 12.
- ²⁵ Следует вспомнить, что именно представление о «действующих словарях» является той площадкой, на которой раскрывается в целом историзм Рорти.

УДК 316.3

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА СОЦИАЛЬНОГО ПОРЯДКА

А. И. Парфёнов

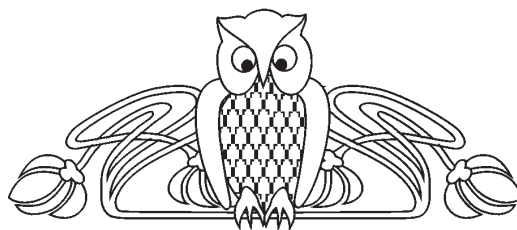
Саратовский государственный университет
E-mail: anteat1@yandex.ru

Феноменологический метод ориентирован не столько на изучение специализированных форм знания, например науки, сколько на «повседневное знание», реальность «жизненного мира», предшествующую всем теоретическим системам. Её основным теоретическим источником безусловно является феноменология Э. Гуссерля, переработанная А. Шюцем в феноменологическую социологию. Процесс становления человека происходит во взаимосвязи с окружающей средой. Социальный порядок – это человеческий продукт, или, точнее, непрерывное человеческое производство, он создается человеком в процессе экстернализации. **Ключевые слова:** феноменология, порядок, общество, социальная реальность, другой.

Phenomenological Paradigm of a Social Order

A. I. Parfenov

The phenomenological method is directed not at studying of specialized forms of knowledge (as a science, for example), but at «daily

knowledge», reality of the «Lebenswelt», previous to all theoretical systems. Its main theoretical source is the phenomenology of E. Husserl, recycled by A. Schutz to phenomenological sociology. Process of formation of the person occurs in interrelation with environment. Social order is a product of man, or rather, continuing human production. It created by man in the process of externalization.

Key words: phenomenology, order, society, social reality, Other.

Феноменология предполагает рассмотрение социального мира с точки зрения естественной установки сознания. Теоретические абстракции, свойственные классической философии, возвышают её над обыденным знанием, которое предстает перед философом непоследовательным, фрагментарным, вводящим в заблуждение, но не следует забывать, что в повседневной жизни человек живет не в абстракции, а в реальном, эмпирическом мире. Сосредоточив внимание лишь на абстрактно-теоретическом знании, мы не только